

Мансуров Андрей

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Конан и потомок Пха

Героическое фэнтези

Андрей Мансуров

Конан и потомок Пха

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Мансуров А. А.

Конан и потомок Пха / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

На этот раз прожжённому и опытному наёмнику Конану-варвару придётся выступить в несколько неожиданной роли: волей Судеб ему нужно сохранить во что бы то ни стало жизнь малыша-черепашонка. Но отважный северный воин и с этой задачей справится, и сокровища получит, и необласканным гордой красавицей не останется! Всё - в лучших традициях рассказов о Киммерийце! Содержит нецензурную брань.

Сразу Конану не понравилась эта морская черепаха.

Словно кто-то внутри него, тот тихий и мягкий голос, что всегда предупреждал его о подвохе, или грозящей опасности, шепнул: «Сейчас начнутся проблемы!»

Пришлось, прикрывая глаза ладонью от слепящего света заходящего солнца, бывшего прямо в лицо, повнимательней смотреть на черепаху, и местность вокруг неё, на всякий случай проверив, легко ли вынимается верный меч из ножен. И на месте ли оба метательных кинжала. И поосновательней принюхаться к запаху соли, и отвратительно вонявшим полусгнившим водорослям, выброшенным прибоем. Но ничего опасного или необычного на пляже, по песку которого Конан шёл, чтоб дать ветру и прибою занести и смыть свои следы, не имелось. Лишь шумели мерно набегавшие на берег волны, да свистел в ушах порывистый тёплый ветер.

Собственно, и сама черепаха явно пока ничем ему не угрожала, и пока кроме огромного размера ничем другим не поражала. Да и ползла вовсе не в сторону варвара, а явно просто подальше от океана, к зарослям прибрежного леса, пересекая под прямым углом путь киммерийца. И даже невнимательному наблюдателю было бы заметно, что она припадает на правую переднюю лапу, что делало движения животного по пологому пляжу какими-то судорожными, и беспомощно-торопливыми. А массивная голова размером с лошадиную не держалась над землёй, и, словно свешиваясь туда же – направо, иногда даже скребла нижней челюстью по песку пологого пляжа.

Однако Конан к ненаблюдательным не относился никоим образом, поэтому сразу заметил: и то, что черепаха движется из последних сил, и узкую тёмную полосу, тянувшуюся за еле волочившимся по песку за семифутовым, и похожим, скорее, на две гигантские соединённые сковородки, тёмно-зелёным туловищем. Нетрудно было догадаться, что эта тёмная полоса, выделявшаяся на чуть более светлом мокром, а затем и сухом песке – кровь.

Вода на том месте, откуда шли следы метровых ласт-конечностей и тянулась канавка от хвоста, забурлила, и Конан понял, что неприятности начались.

Мерзкая рожа, возникшая из волн прибоя, киммерийцу понравилась, если честно, ещё меньше, чем похожая на обличье гигантского попугая морда черепахи. Но у этого «гостя» не было массивного рогового клюва, и огромных, застланных пеленой из жёлто-серой не то – слизи, не то – гноя, перепуганных часто моргающих глаз. А имелись у него выпученные бусинки очень даже злобных и сосредоточенных сейчас на тыльной части несчастной рептилии, глазёнок. Убедившись, что не успел далеко отползти предмет его преследования, чудище словно ослабло с облегчением, и стало двигаться нарочито неторопливо, словно осознавая, что деваться его жертве теперь всё равно некуда.

Конан, прибавив шагу, направился прямо к месту предстоящей расправы – уж что-что, а сложить два и два он умел. И понимал, что раз уж у преследователя имеется и змееподобное способное извиваться длиннющее – в воде даже не видно было конца-края этому телу! – туловище и даже лапки, преодолеть двадцать шагов песка, на которые успела отдалиться от кромки прибоя обессиленная черепаха, не будет для монстра проблемой.

Собственно, до появления второго морского чудища киммериец планировал просто пройти мимо странной обитательницы глубин, предполагая, что та просто выбралась на пляж для обычной жизненной необходимости: отложить в ямку пару десятков яиц. И то, что черепаха ранена, и находится если не совсем при смерти, то очень близко к этому, его не особенно взволновало: подошёл, как говорится, срок и возраст – будь любезен: оставь потомство, да и освободи место другим, более молодым и здоровым!

Но вот то, что и без того раненную или больную бедолагу кто-то весьма мерзкий и злокозненный хочет прикончить прямо у него на глазах, не могло оставить его равнодушным. Неправильно, нечестно это!

Если уж ты, вот именно – молодой и здоровый, будь любезен: найди себе достойного противника! Ну, или хотя бы равного.

Пройдя поэтому прямо за спину, похоже, инстинктивно почуявшей, или услышавшей преследователя, и поэтому начавшую двигать лапами ещё быстрее, черепахи, он недвусмысленно дал понять странному монстру, что намерен пресечь преследование беззащитной жертвы, встав в боевую стойку, и обнажив свой любимый хайбарский меч.

Чудище, похожее, если честно, на огромную змею, но с тремя парами крохотных, и смотревшихся карикатурно непропорционально, лапок по бокам туловища у передней части тела, которые, правда, не столько помогали, сколько, по мнению варвара, мешали передвигаться по рыхлой песчаной поверхности пляжа, остановилось. Очевидно, монстра поразило не столько то, что кто-то решился противостоять его намерению прикончить уползающий обед, сколько то, что это оказался именно – человек. Метровая пасть морского змея открылась, продемонстрировав длинный раздвоенный язык в добрую руку толщиной, глубокую, словно пещера, глотку, и отличный набор белейших и острейших треугольных зубов, украшавших как верхнюю, так и нижнюю челюсть.

Конана демонстрация не впечатлила – видали и поглубже, и побольше, и поострее! Поэтому в ответ на неприкрытую угрозу он просто нахмурил густые смоляные брови, чуть нагнув голову, и блеснул и своими пусть не столь большими, но вполне крепкими зубами сквозь чуть приоткрывшийся рот. Тварь, похоже, угрозу адекватной не посчитала, как и самого киммерийца явно не приняла за серьёзного противника, потому что спустя секунду снова двинулась вперёд, так, словно человека и не стояло на пути её двухфутового в диаметре тела.

Чтоб убедить наглого монстра в серьёзности своих намерений защитить несчастное создание, Конан ударил тварь мечом. Ударил не так, чтоб сильно, но вполне по боевому: лезвие меча очень даже легко разрубило кожу и мышцы на верхней челюсти, мгновенно дойдя до кости, служащей той основой. Конан подивился: то, что там, под мышцами и кожей, кость – он понял сразу, по характерной отдаче. А ведь по-идее у крупных, или, как вот этот, червеобразных морских обитателей, вроде угрей или акул, вместо костей обычно всякие там хрящи да полугибкие пластины...

Однако ещё больше варвар удивился, когда тварь, поморгав на него бусинками сразу налившихся ещё большей злобой и кровью, глазёнок, вдруг снова остановилась, и подалась чуть назад. Из глубины пасти донёсся рокочущий и свистящий, но вполне разборчивый голос:

– Отойди, человек. Ты не должен встречать в наше противостояние.

Конан не растерялся ни на краткий миг:

– Какое ещё противостояние? Противостояние – это когда противники равны. По весу, силе, и вооружению. А ты нападаешь на заведомо более слабое, больное, и невооружённое существо! Какое же это противостояние? Это просто – убийство!

– Это не убийство. Это – наказание. За нарушение наших Законов и обычаев.

– И что же это за законы, которые заставляют убивать беременную самку?

– Всё верно. Именно за то, что забеременела, мы и должны её убить. Чтоб другим Жрицам было неповадно. Да и в назидание остальным нашим подданным!

– Не вижу особого смысла в таких жестоких законах.

– И тем не менее они – наши. Мы ведь не обсуждаем, не осмеиваем, и не отрицаем те законы, что есть у вас, сухопутных. У каждого существа свои представления о том, что хорошо, а что – плохо. Что правильно, а что – нет. Но довольно пустой болтовни. Просто отойди, и дай мне свершить правосудие.

– Какое, Бэл его раздери, правосудие! Убийство!

– Поскольку мы вернулись к тому, с чего начинали, не вижу смысла в дальнейшей дискуссии. Ты отойдёшь по-хорошему?

– Нет!

– Ну так пеняй на себя, смертный!

Существо вдруг очень быстро приподняло примерно двадцать передних футов своего тела над пляжем, встав почти вертикально на оставшиеся сорок, и стремительно бросило это туловище на Конана, с явным намерением прихлопнуть того, словно какого-нибудь комара!

Однако не для того киммериец прошёл сотни битв и тысячи кровавых приключений, чтоб позволить убить себя столь примитивным и бесхитростным манёвром!

Отскочив в последний момент в сторону, Конан рубанул со всего размаху по тому месту туловища, что грохнулось с шумом о землю, и оказалось в непосредственной близости к нему.

Сегмент футов в десять оказался практически до половины перерублен, крошечные лапки замельтешили, давая понять, что их обладатель поражён невыносимой болью! Однако сдаваться странное существо и не подумало: теперь в дело вступил его хвост – поднимая тучи брызг, покрытый на конце огромными иглами с полупрозрачной перепонкой между ними отрок метнулся к Конану, с явным намерением сбить с ног, пронзить, опутать...

Киммериец не стал ждать этого, просто перепрыгнув на другую сторону тела монстра, и бросившись плашмя на песок! Массивная «дубина» просвистела над ним, осыпая песком и обдавая брызгами солёной воды, по инерции улетев практически туда же, откуда и начала движение – к кромке прибоя. Конан не придумал ничего лучше, как закончить начатое: раз уж оказался по другую сторону от длинного туловища, вскочил и доперерубил его ещё одним могучим ударом!

Некоторое время у твари происходила агония: передний обрубок разевал пасть, но сдвинуться с места не мог, а задняя часть тела буквально выписывала кренделя по пляжу, свиваясь и извиваясь, но до варвара добраться не могла. Ещё бы: у неё же не было глаз...

Конан подошёл к отрубленной передней части. Сердито буркнул:

– Н-ну? Как насчёт – исполнить приговор? Сможешь теперь?

Шипящий голос стал в сотню раз слабее, но различить слова можно было всё равно:

– Н...не радуй... ся раньше времени, че... ловек. Не я один – служитель Ффаскара. На моё место придут другие. Приговор так или иначе будет... приведён в исполнение. Потому что рано... или поздно... Грешница всё равно должна будет вернуться в океан!

– Мардук тебя задери, возможно. – Конан осознавал серьёзность угрозы. Ведь там, в воде, он не сможет защитить несчастную, – Но пока она здесь, на суше, вряд ли я позволю расправиться с вашей согрешившей нарушительницей и им. Однако тебя этот вопрос уже волновать не будет. Потому что скоро душа твоя отправится к праотцам, на небо, или в огненные подземелья Мардука! Ну, или куда ей там положено отправится!

На это замечание чудовище уже ничего не ответило: глаза словно подёрнулись матовой пеленой – почти совсем такой, как у черепахи! – и пасть закрылась. Тварь будто бы растеклась по песку пляжа, словно из неё вышел не только Дух, но и воздух. Ну, или что там имелось внутри полостей её тела. Конан сплюнул.

Затем наконец оглянулся на ту, которую защищал.

Словно затылком чуявшая, что битва выиграна, и ей больше ничто не угрожает, она задними ластами выгребала песок из пляжа, медленно, но упорно роя ямку. А вернее – ямищу: метровые ласты выгребали буквально горы песка.

Конан отер и спрятал верный меч. Подошёл и встал напротив птицеобразной морды. Он не ждал благодарностей, просто хотел убедиться, что с рептилией всё в порядке.

Однако это оказалось не так.

Теперь он понял, почему черепаха истекала кровью, и не могла двигаться быстро. Между передней правой лапой и шеей торчал наружу примерно трёхдюймовый толстый обрубок не то копья, не то – обломок кости. Поскольку он был весь измазан почти чёрной густой кровью, точно определить, что это, было пока невозможно. Конан подошёл вплотную, и попытался ухватиться как следует рукой за торчащий обломок.

Черепаша порывисто подняла к нему голову, хотя и вряд ли видела что-то бельмами почти заплывших гноем глаз:

– Нет! Пожалуйста, не делай этого! Не вынимай! – голос был куда выше, и приятней, чем у змееобразного. Да и тон... Совсем как у до смерти напуганной женщины! Ну правильно: даже если б Конан не видел, что она роет яму для откладывания яиц, сейчас бы точно понял, что это самка! – Он сидит слишком близко к сердцу, и если его извлечь, я тут же истеку кровью и умру! А я не закончила то, что должна сделать. Не исполнила своего главного Предназначения!

– Хорошо, не буду. Но... Скажи – что я могу для тебя сделать? Как помочь?

– Ну... Я была бы очень благодарна, если бы ты промыл мне глаза. Чтоб я могла хотя бы увидеть моего спасителя.

– Ладно. – Конан не видел смысла отказывать в просьбе, поэтому вынул из сброшенной на песок сумы свой походный котелок, и оторвал от объёмного пакета с тряпками для перевязки ран приличный кусок полотна. Сходил к океану, набрал чистой воды. Приблизившись снова к черепахе спереди, опустился перед ней на корточки, и полил ей на оба глаза. После чего принялся поливать понемногу, осторожно удаляя тряпицей загустевшую и засохшую слизь с налипшим песком. Воды вполне хватило. Тряпицу Конан отбросил, котелок отставил, и снова поднялся во весь рост – так поражён оказался осмысленным выражением и ярким блеском выразительных и непривычно больших глаз. Да их обладательница – просто красавица! Уж сколько он, побывавший в десятках стран и сотнях городов, и достаточно часто встречавшийся с тамошними женщинами, повидал этих самых глаз! Но таких... Не-ет, таких выразительных – точно ни у кого не было!

– Спасибо. Спасибо за то, что не позволил Стражу прикончить меня. Это было очень... Храбро и благородно. Благодарю и за то, что промыл глаза! Это было заботливо.

– Да пожалуйста. – Конан мрачно усмехнулся, думая, что вряд ли его новая подопечная протянет даже до заката – уж больно много крови она всё равно потеряла, и рана действительно выглядела смертельной.

– Я даже не спросила, как тебя зовут, отважный воин. Потому что не каждый отважится вступить в битву с морским демоном. Пусть и младшим.

– Зовут меня Конан. Конан-киммериец. Ну а что до отваги... Младший демон не показался мне слишком уж опасным и хитрым противником. А кроме того, я не люблю, когда обижают раненных и слабых. Ну, и женщин. Но как зовут тебя, несчастная Жрица?

– Я – Нэйла. Младшая Жрица в храме Ффаскара. То есть, прости... – в уголке одного из глаз снова появился натёк из гноя, и Конан поспешил снова взять котелок, и смыть его, Жрица чуть кивнула, – Спасибо. Бывшая Жрица, я хотела сказать. Ведь я согрешила.

– То есть, ты с кем-то... Занялась любовью? – Конан, не видевший смысла говорить намёками, не столько спрашивал, сколько утверждал.

– Да. – в уголке глаза теперь сверкнула слеза – непривычно огромная и тягучая.

– Вот уж не вижу в том, что естественно для каждой нормальной жен... Э-э... Прости – самки – греха!

– Но ведь я – Жрица. И была обязана хранить... Верность Обетам. И служить нашему верховному Божеству... Но – не получилось. Хотя в этом вина – не только моя. Мы с... Эртексом полюбили друг друга. И... Ну, ты уже всё понял!

– Да и на здоровье. Я же сказал: я не вижу в стремлении создать Семью и нарожать детей никакого греха!

– Да, всё это не считается столь уж тяжким грехом и у нас. Даже Жриц.

Но дело – в Эртексе.

– А что с ним такое? – Конан насторожился, снова внимательно осматриваясь, и подозревая, что ему, возможно, придётся спасти и этого любвеобильного балбеса.

– Эртекс – сын Верховного Правителя. То есть – Наместника нашего сектора Океана. И сейчас он мёртв. Из-за меня. Его отец приказал казнить его. Опять – в назидание! Статус! Правитель не хотел, чтоб дети от неравного брака, неблагородные полукровки, могли претендовать, или взойти на трон Ксулибии. Нет, Эртексу предназначали в жёны Сютуру – дочь Верховного Жреца нашего Храма. А он, мой наивный любимый...

Конан видел, что воспоминания явно бередают душу несчастной Нэйлы, и слёзы снова полились ручьём из её огромных глаз. Конан снова отметил, что они и правда – очень красивые, и чувственны: неудивительно, что сын даже Верховного Правителя не устоял перед их чарами! Но что же было дальше?

– Так что там с твоим возлюбленным? Он... точно мёртв?

– Да. Да. – черепаха судорожно вздохнула, но продолжала упорно копать песок, в чём Конан особого смысла уже не видел – наверняка после смерти младшего Стража сюда явятся и другие подданные Наместника. След от раны и тела Нэйла оставила такой, что не найдёт только совсем уж слепой преследователь. Ну, или – лишённый нюха. И уж обнаружить яйцо, да ещё столь неглубоко зарытое, для врагов вряд ли будет такой уж серьёзной проблемой... – Мне показали... Казнь. Чтoб сильней было моё горе!..

– Послушай, уважаемая Нэйла... – Конан решил, что от трагической части нужно переходить к практической, – Я от души сочувствую твоему горю. Но... Ты ведь, наверное, хотела бы спасти своих детей от гнева их высокопоставленного деда?

– Разумеется! Разумеется, Конан. И именно поэтому я и сбежала из темницы, куда он приказал заточить меня, и пытаюсь отложить яйца с ними здесь, во владениях суши!

– А ты не подумала, что этому самому деду не составит труда узнать, куда ты уплыла, и найти твою кладку, раз уж тебя так легко нашёл этот Страж? Младший демон?

– Подумала. Но... Мне некуда деваться, Конан. Это – всё, что я могу сделать для своих детей! Потому что я чую – час мой близок. И пусть готово всего одно яйцо, а остальные ещё не созрели... Отложить хотя бы его – надо! Потому что если я умру, не успев отложить и его – у моего сына не будет даже шанса!

– Не знаю, не знаю... – Конан пошкрёб подбородок, – Но разве для его деда и его прихвостней станет проблемой найти место, куда ты это яйцо отложишь?

– Нет. Но я надеюсь всё же...

– А если они найдут яйцо – что они с ним... Или вылупившимся черепашонком – делают?

– Убьют, конечно! Ведь Наместнику бастарды или незаконные наследники не нужны. Он женит на дочери Верховного Жреца своего второго сына – уж чем-чем, а обеспечением престолонаследия он обеспокоился! – и трон передаст ему. Ну, когда подойдёт положенный срок...

– Так что же ты собираешься делать, Нэйла? Прямо сейчас?

– Я хочу выкопать ямку поглубже. Может, всё же ищeyки Наместника не найдут яйца.

– А вот скажи мне, уважаемая Жрица... Твой сын, твой будущий сын – может жить в пресной воде?

– Да, Конан, конечно, может.

– А если выпустить его в какое-нибудь... Озеро – он найдёт там для себя прокорм?

– Да, наверняка.

– Тогда как тебе, уважаемая, такой план. Я забираю твоё отложенное яйцо. И отношу его подальше от океана – в озеро Баскунчук. Оно здесь неподалёку: всего три дня пути. Озеро большое и глубокое. Правда, расположено в горах, а к океану из него течёт только маленькая речка – Ворхул.

– А там... найдётся солнце и песок на пляже?

– Найдётся.

– Конан. Ах, Конан-киммериец... Если б ты сделал это, я благословляла и благодарила бы тебя до конца моей несчастной и короткой жизни!

– В таком случае прекрати копать – ведь ты тратишь свои и без того крохотные, последние силы на бессмысленную работу. Просто: расслабься, немного отдохни, собери свои, вот именно – силы, и снеси яйцо!

– Хорошо. Хорошо... Я... Попробую. Только... Пожалуйста, отвернись!

Конан, если честно, не видевший в таком действии особого смысла – а то он женских «яйцекладовых» органов не видел! – тем не менее отвернулся к кромке прибоя, и занялся рассматриванием волн. Неторопливо и мерно они набегали на плоский и обширный пляж, наверное, успокаивая и навевая лёгкую печаль на более чувствительные натуры. К которым варвару никак не принадлежал. Тем более, что вместо любования мирным пейзажем он внимательно следил: не появятся ли где новые Стражи. Или ещё какие враги. И напряжённо думал: сможет ли он действительно выполнить обещание, данное, скорее, под давлением, вот именно, сентиментальных порывов своей очерстевшей души, или...

Однако сдерживаемые стоны и тяжкое дыхание, что слышались за его спиной, всё равно разбередили какие-то скрытые струны в его зачерстевшей душе – он даже закусил губу, почти силой заставив себя не оглядываться – Нэйла же просила!..

Но вот раздался последний отчаянный вскрик-всхлип, и его подопечная словно выдохнула с явным облегчением. Сильно ослабевший и тихий голос позвал:

– Ко...нан!

– Да, Нэйла? – он поспешил обернуться, и снова встать перед ней. Голова рептилии бесильно лежала на песке, и глаза уже были закрыты.

– Яйцо... Должно быть всегда в... Сырости. И до вылупления моего сына оно должно полежать в тёплом и влажном песке пять дней. И...

Ты был прав. Зря я потратила столько сил впустую – не помогло бы это спасти Улюкена от...

Голос вдруг прервался. Но больше ничего не произошло – голова не опустилась ещё ниже, поскольку и так уже лежала ниже некуда, и единственное, что выдавало, что жизни больше нет в огромном плоском теле, так это то, что крошечная жилка на кожистой складчатой непривычно длинной шее больше не билась...

Конан вздохнул.

Ну вот он и нашёл себе проблему. Сам.

Никто ведь не просил его вмешиваться в «разборки» жителей морских пучин, и кого-то спасать, кого-то убивать... Да и Жрица собиралась просто отложить яйцо. Туда, куда смогла бы. Предоставив Року и его Величеству Случаю оберегать или прикончить её первенца...

Ну почему, почему он не может равнодушно смотреть на несправедные дела и циничные убийства?!

Вот и сейчас: мешкать некогда, нужно скорее поместить яйцо во влагу. А как это сделать? Да очень просто.

Конан прошёл снова к океану. Вошёл по щиколотку, выбрал место, где вода казалась почище, и не имелось следов мути, поднятой хвостом Стража. Бросил в это место остатки пука из тряпок, которые всегда таскал с собой для перевязок разных ран и наложения шин при переломах. Пропитал водой, чуть отжал.

Вернулся к яйцу. Завернуть в тряпки круглую жёлто-белую штуковину размером с небольшой арбуз было нетрудно. Как и упрятать его в суму – так, чтоб не повредить об имеющиеся там столь необходимые железки и причиндалы: пояс с набором метательных кинжалов, запасные наконечники для стрел, футляр с картой, запас пищи, бурдюк с водой, одеяло, и прочее столь нужное походное оборудование. Подумав, Конан переложил яйцо во вновь оказавшийся сверху пятилитровый котелок: оно очень даже удобно вместились туда. Порядок!

Теперь он чуть более уверен, что нежная непривычно гибкая скорлупа, кожистая, и так не похожая на скорлупу яиц птиц, не повредится при ходьбе.

Закончив укладывать и устраивать яйцо, он в последний раз встал перед мордой несчастной Жрицы. Он отлично понимал, что нужно бы предать её тело, как положено, земле. Но ведь тогда те, кто непременно приплывёт сюда в поисках Нейлы, и Стража, посланного в погоню, и отложенного и спрятанного нарушительницей Законов, будущего потомства, сразу догадаются – что яйцо похищено!

Впрочем, если уж быть честным хоть с самим собой, то они об этом всё равно догадываются: по убитому явно мечом младшему демону. Значит, решающим аргументом должна являться как раз безопасность этого самого яйца! Поэтому Конану противопоказано долго торчать здесь, пытаясь отдать последний долг несчастной рептилии, а нужно бежать как можно быстрее вглубь суши, по дороге старательно замата и запутывая следы. И как можно быстрее поместить яйцо, вот именно – в тёплый песок озера Баскунчук! Прости, следовательно, и прощай, Нэйла!

Конан однако не ринулся бегом в гущу джунглей, что окружали широкую полосу пляжа, а снова прошёл к передней части черепахи. Вздохнул. Но понимал, что сделать это нужно – он должен знать, с какими монстрами и тварями из глубин может теперь встретиться и сам... И может столкнуться черепашонок, когда вылупится, и, возможно, попытается выбраться домой – в океан.

Пробормотав: «Прости ещё раз, уважаемая Нэйла!», Конан упёрся левой рукой в кромку панциря у шеи, а правой выдернул то, что казалось обломком копья.

Обломок вышел с трудом: ещё бы! Киммериец покивал головой: как раз чего-то именно такого он и ждал! В руке у него оказался кусок явно конечности какой-то немаленькой твари: более чем полуметровый не то – шип, не то – кусок клешни. Двухдюймовый в толщину у основания, очень острый на конце, чуть изогнутый равномерно по всей длине и похожий на саблю, только суживающийся к концу. Трёхгранный. И снабжённый обратными зазубринами по всей длине – словно у природного гарпуна!

Конан, внимательно рассмотрев обломок, покачал головой: не хотелось бы встретиться с обладателем такого оружия на суше! Не говоря уж – о море! Бедная Нэйла. Нетрудно представить, какие страшные мучения ей доставлял этот шип. И сколько мужества и сил ей понадобилось – чтоб обломить его!..

Вода в полумиле от кромки прибоя вдруг забурлила – словно тот, кто собирается выбраться на поверхность, гораздо, гораздо крупнее даже Стража.

Конан понял, что правильно поступил, не став пытаться похоронить несчастную Жрицу: нельзя, чтоб тот, кто сейчас выберется на поверхность, заметил его. Благо, наступающие сумерки позволяли быстро скрыться среди кустов и деревьев, окружавших пляж, растворившись во мраке, уже царившем под сводами тесно стоявших стволов, и переплетённых лианами и густо поросшей ягодными кустами и папоротником, почвы подлеска зарослей.

Так Конан и поспешил сделать.

Однако уйти в чащу глубже киммериец не торопился, хорошенько спрятавшись за очень даже удобный поваленный ствол, лежащий у самой кромки песка. Он хотел посмотреть, что за создание способно вызвать столь большой водоворот.

За этим дело не стало: к берегу, бурля и отбрасывая бурунчики, как от форштевня корабля, уже приближалось нечто, издали похожее на лодку. Только перевёрнутую кверху днищем. Но вот начался отлогий повышающийся берег, и твари пришлось приподнять туловище над волнами. Вернее – ей помогли это сделать тварюшки поменьше, что несли её на своих могучих хитиновых панцирях!

Больше всего, если честно, эти тварюшки напоминали крабов с плоскими огромными панцирями, и положенными слугам-носильщикам мощными и бугристо-пупырчатыми клеш-

нями и ножками. А маленькими они казались лишь в сравнении с восседавшей на их спинах монстрой: тоже странным созданием, больше похожим на самую обычную двустворчатую раковину. В диаметре обе её закрытых сейчас створки достигали не менее пяти шагов! Конан подивился: внутри такой запросто могло бы поместиться человек двадцать! Причём – даже не нагибаясь. Теперь, когда странная процессия достигла берега, и начала выползать на песок, стало возможным оценить и подлинные размеры крабов-носителей, и восседающей на них сиренево-зелёной штуковины.

Ростом крабы не уступали Конану, и в диаметре панцири их достигали трёх метров. А ещё варвар понял, кто нанёс бедной Нэйле страшную рану в основание шеи: конечные сегменты пары передних щупалец как раз и напоминали сабли: не менее чем метровой длины, с теми самыми зубринами, и толщиной у основания сустава дюйма в три! Тела всех монстров-носителей казались блёкло-зелёными, хотя сказать точнее из-за наступившей темноты было невозможно. Но основные контуры и размеры Конан различал в свете половинки взошедшей луны неплохо – недаром же зрение его могло дать сто очков вперёд кошачьему!

По глубоким бороздам в песке, оставляемым ножками крабов-носителей, Конан легко догадался бы, если б и так не понял, что весит переносимое ими круглое чудище не меньше, чем добрый слон. Но доставили рабы-слуги его к труп разрубленного червяка, а затем и Нэйлы очень проворно и без особых проблем. Когда они остановились, раковина начала открываться.

Создание, обитавшее в ней, кому-то другому могло бы показаться воплощением мерзости и ужаса: просто кусок не то слизи, не то – мяса, без определённых очертаний и конечностей, но с двумя горящими карбункулами огромных глаз! Конан заставил себя отпустить инстинктивно схваченную рукоять меча, и осторожно выдохнуть: было непохоже, что странные твари смогут преследовать его по джунглям, проламываясь сквозь мешанину сросшихся лиан, цеплявшихся друг за друга стволов, и зарослей папоротников и колючих кустов, создающих почти непроходимую преграду в темноте.

Глаза чудовища из раковины между тем переместились из центра мешкообразного аморфно-бесформенного туловища на его передний конец, и опустились вниз. Они не мигали, что делало этот взгляд непривычно странным и неприятным. Некоторое время обитатель раковины рассматривал труп Стража. А затем и несчастной Жрицы. Вдруг раздался странный звук, явно шедший из этой самой раковины.

Тотчас из воды у берега повыскочили на песок пляжа куда более проворные, но мелкие крабики – Конан узнал и так называемого пальмового вора, и других, вполне съедобных, если их правильно готовить, крабов, без проблем передвигающихся по суше, и целую ораву омаров и креветок. Существо в раковине издало ещё звук. Крабики огромной и широко разлившейся волной ринулись к кромке джунглей.

Конан не стал дожидаться, пока его обнаружат – лёгкой тенью вскочил на ноги, и бесшумно двигаясь, и аккуратно лавируя, припустил со всех ног прочь – подальше от берега, в гущу зарослей! Он отлично понимал, что двигаться по суше столь же быстро крабики и креветки не смогут, и определённое преимущество благодаря длинным и сильным ногам и навыкам, да и фора у него есть. Однако он не был уверен, насколько терпеливы и упрямы его преследователи. И насколько чувствительно их обоняние.

Поэтому прибег на всякий случай к привычной тактике запутывания следов.

Найдя какой-нибудь ручеёк, или болотце, долго шёл по дну, или берегу. Увидев подходящую лиану, перелетал с её помощью как можно дальше – в стороны или вперёд, а иногда и назад, словом, делал всё, что делал в таких случаях обычно. И хотя пробивающиеся сквозь плотный покров джунглей лучики луны не рассеивали полностью мрак, царивший под кронами деревьев, лиственных и хвойных, киммериец не испытывал трудностей: ему этого незначительного освещения вполне хватало. Некоторое время он слышал за спиной странное, непривычное побрякивание – словно бились друг о друга хитиновые тела, и идущее с трёх сторон шур-

шание, понимая, что его преследователи движутся за ним, взяв след, или прочёсывая джунгли в поисках его, и наверняка переговариваясь.

Однако спустя менее чем полчаса шуршание и побрякивание прекратились – он или оторвался, или смог-таки запутать наверняка уже уставших крошечных преследователей-ищеек. Но варвар не обольщался: понимал, что Наместник в числе слуг не ограничен, и запросто может послать и более масштабную (В плане размеров преследователей!) погоню. Просто этот правитель наверняка не предполагал, что на его слугу-Стража кто-то нападёт, ещё и убив. Поэтому вероятней всего прибыл просто убедиться, что наказание согрешившей Жрицы свершилось. И не предполагал, что не всё с этим гнусным делом пройдёт гладко. Вот и не озабочился взять с собой соответствующую гвардию, и более подходящих агентов для розыска неожиданного сухопутного врага. Человека.

А в то, что Наместник быстро вычислит, что нанести такие раны мог только сильный и опытный воин-человек, вооружённый большим и тяжёлым мечом, варвар не сомневался. Как и в том, что это же подтвердят по запаху слуги-шпионы!

Значит, он должен не терять бдительности, двигаться как можно быстрее, и запутать следы как можно тщательней. Чтоб не дать врагам выследить или вычислить его маршрут. И обнаружить место, где должен будет вылупиться отпрыск бедной Нэйлы.

Задача, в-принципе, несложная. Но потребует много сил. И времени.

К рассвету Конан, так и не сомкнувший глаз, оказался на берегу неширокой реки.

Он знал, что река Ворхул, берущая начало в озере Баскунчук, должна проходить куда восточней, но направление в целом подходило ему: река текла с северо-востока. Поэтому Конан выбрал и подкатил к руслу пару подходящих поваленных стволов. Спустил их на воду. Связал между собой нарубленными лианами. Срубил и подходящий тонкий ствол для шеста.

И отправился в путь вверх по реке, отталкиваясь от глинистого дна, и стараясь не удаляться от берега – чтоб течение не слишком мешало. Он благодарил Крома, что дно не илистое – в таком шест неизбежно завязал бы, превратив путешествие в муку. Но пока его маленький корабль двигался вперёд против течения вполне уверенно, хоть и не столь быстро, как хотелось бы. К моменту, который Конан посчитал подходящим для завтрака, он успел удалиться от места, где вышел к этой реке, лишь миль на пять.

Первое, что сделал киммериец, высадившийся на противоположный берег, это – вынул из сумы котелок с яйцом, и выложил яйцо на песок небольшой излучины. Проверил тряпки. Всё верно: они почти подсохли! Варвар снова намочил их в реке, и опять завернул драгоценное яйцо: пусть малыш сразу привыкает к тому, что вокруг будет пресная вода! Кожистый шар киммериец заворачивал с чувством сожаления: бедолага Нэйла. И малыша тоже жаль: будет расти и «воспитываться» вдали от родных и близких! Сам.

Но тут уж варвар никак помочь не мог: люди в воде не живут!

Шар в котелке Конан оставил прямо на отмели: чтоб лучи раннего солнца попадали, и нагревали. Сам быстро достал из сумы немудрёный завтрак: как всегда – сухари, ломтики вяленого мяса, и сухофрукты. На приём пищи и запивание её отличной, хоть и прохладной водой из речки много времени не ушло: минут десять. Конан загрузил обратно в суму котелок с его драгоценным содержимым, и тщательно уничтожил следы своего пребывания с пляжа с помощью веника из вырванного куста папоротника. Куст выбросил в реку, свой примитивный плот снова спустил на фарватер, и двинулся дальше.

К обеду солнце припекало всюду: пришлось снова намочить высохшие тряпки, даже не причаливая к берегу, для чего воспользоваться кружкой: варвар просто полил на тряпки, после чего слил из котелка лишнюю воду. Заметив очень подходящую лиану, свешивавшуюся

с кроны дерева, наклонившегося над руслом, он схватился за неё, позволил течению чуть унести плотик из-под себя, и разбежался – пары шагов хватило.

Перелететь на берег удалось без особых проблем.

Теперь Конан пробирался снова прямо на восток, продолжая применять приёмы следопыта, и тщательно запутывая следы. К ужину он вышел к реке, которая по описаниям старого Крамера напоминала требуемый Ворхул.

Снова пришлось лазать по джунглям в поисках подходящих брёвен, и рубить лианы. Когда два очередных ствола были уже связаны, варвар поужинал, в очередной раз позаботившись и о яйце. Он понимал, конечно, что в качестве няньки не слишком преуспевает, да и в песок будущего черепашонка нужно бы закопать побыстрее. Но небольшой отдых был нужен и его могучим рукам, и натруженным ногам. Поэтому киммериец позволил себе посидеть на брёвнах с полчаса. После чего вновь оттолкнулся от берега, забрался на хлипкую конструкцию, и взялся за новый шест.

Темнота застала варвара на одном из крохотных песчаных островков посреди неширокого русла, густо заросшего камышом и какой-то чертовски колючей травой, достигавшей ему до колена. Поскольку вырубить её даже мечом не удалось, пришлось просто вырвать несколько десятков кустиков, чтоб расчистить себе место для ночевки. Из вырванных кустов, да и из окружавших стоянку Конана зарослей, вылетела многомиллионная армия зудящих и чертовски агрессивно настроенных комаров.

Варвар совсем не рад был их появлению. Поэтому наспех поужинал тем же, чем завтракал, вынимая продукты из своей объёмистой сумы на ощупь, и поухаживал за яйцом – ему укусы кровососов явно не угрожали! После чего киммериец постелил на расчищенную песчаную площадку острова своё одеяло, лёг, и с головой накрылся плащом.

Ничего страшного, если он немного попарится: куда хуже, если ему искусают торс и конечности. Потому что тогда он не сможет двигаться, а будет только чесаться...

Под сердито-возмущённый гул чующих добычу, но не могущих до неё добраться, насекомых, он и уснул.

С рассветом Конан уже был на ногах.

Быстрый завтрак, забота о яйце, и сборы много времени не заняли. К обеду он проделал не менее десяти миль вверх по течению. Горное озеро явно приближалось: он это понял по убыстрившемуся течению, и изумительной прозрачности воды, сквозь которую теперь отлично было видно дно, покрытое уже не глиной, а галечником. Сновавшие тут и там шустрые рыбки сказали варвару о том, что прокормиться даже в этом голом с виду русле очень даже найдётся чем – значит, о пище в самом озере волноваться не нужно.

Когда течение стало совсем уж быстрым, Конан завёл свой импровизированный плот в какую-то заводь, и привязал лианой к склонившемуся над водой полустгнившему стволу: пусть-ка никуда вниз по течению не плавает! А ждёт здесь: мало ли...

Дальше он шёл по отмели у правого берега, стараясь держаться так, чтоб вода не достигала голенищ сапог. Его расчёты и инстинкты не подвели: всего через пару миль он вышел к истоку речки: перед ним простиралось огромное озеро, со всех сторон окружённое самыми настоящими горами. Которых он до сих пор не видел из-за покрывавшей берега реки густой растительности.

Конан поправил на плече суму, и прошёл к кромке водоёма.

Озеро впечатляло.

Суровая красота дикой местности, куда явно никогда не ступала нога человека, очаровала даже очерстневшее в битвах и кровавых приключениях сердце киммерийца. Сероватые, коричневые, и густо-синие тона обрывистых скал, обрамлённая тонкой полосой зелени ярко-голубая поверхность с лёгкими бурунчиками волн, возникшими от лёгкого ветерка, и отража-

ющаяся в ней глубокая синева неба словно предлагали забыть о бренности земного существования, и постараться приобщиться к Вечности...

Конан, не вылезая из воды, двинулся направо: туда, где в пяти сотнях шагов виднелся очень даже подходящий по его мнению пляж с песочком. Однако дойдя туда, он изменил решение. Уж слишком это примитивно: спрятать бедолагу черепашонка на первом попавшемся месте! Именно там и будут искать в первую очередь ищейки, случись им вынюхать вопреки всем его стараниям, человеческий след. Варвар двинулся дальше.

Ещё через милю ему попалось другое вполне подходящее место: пляж, конечно, был не столь отлогим, как у кромки океана, но вполне тёплый и приветливый. Да и песок, хоть и казался куда крупней, чем морской, для его целей вполне должен был подойти.

Выбравшись наконец на сушу, Конан первым делом скинул сапоги. Вылил из них воду. Покачал головой, трогая пальцем наметившиеся сверху дыры и выкрошившиеся части подмётки. Бэл его задери: что-то как-то быстро они износились... А ведь им всего полтора... Нет – два года! Хм-м... Тогда – всё нормально. Особенно, если учесть, что он никогда не сидит на месте, и по каким только поверхностям не пришлось этим стоптанным подошвам двигаться... Ясно одно: сапоги по возвращении к цивилизации придётся поменять! Но сейчас... Не ходить же ему босиком!

Однако снова надев обувь, Конан сразу занялся своим подопечным: вынул яйцо из котелка, и котелком же вырыл подходящую по глубине – такую же, как вырыла мать! – яму в песке. Бережно опустил туда освобождённое от тряпок яйцо. Снова осторожно закопал. И ещё и обрисовал трёхфутовым кругом насыпь – чтоб издали её возможно было различить. Разровнял песок в полосе вокруг насыпи шириной с пару футов: так он всегда сможет понять – всё ли в порядке у его подопечного, и не приходил ли кто плотоядный или просто – любопытный к тому в «гости». Буркнул: «Ну вот. Теперь можешь расти и развиваться сколько душе угодно!»

Однако радоваться рано: раз уж обещал несчастной матери, что присмотрит – вот и надо присмотреть за малышом вплоть до вылупления.

Да и проследить, чтоб до воды отпрыск Нэйлы добрался без приключений!

Лагерь Конан разбил в кустах у кромки пляжа: там, где кончался песочек, и начиналась трава и кусты. Растущие уже на вполне привычной глинистой почве. Деревьев здесь было мало, да и те какие-то корявенькие и низкорослые – видать, слишком тонок был слой почвы, наверняка только недавно выросшей на голых скалах.

Правда, капитальный навес варвар сооружать не стал, логично рассудив, что стоит позднее лето, и ничего с ним не сделается, если он немного побудет под открытым небом. Дождей не шло уже недели две, и солнце, неизменно встававшее без единого признака того, что собирается нырнуть в гущу облаков, давало надежду на хорошую и ясную погоду. Тем лучше: неизвестно ведь, как на яйцо повлияет избыточная влага!

Пару раз до наступления сумерек Конан раскапывал яйцо, чтоб убедиться, что не разместил его слишком глубоко, и от жары, как и от излишней влажности то не страдает.

Но всё оказалось в порядке: уровень грунтовых вод проходил явно гораздо ниже, и окружающий яйцо песок оставался сырым только из-за того, что влага поднималась по капиллярам между песчинок. А сами песчинки даже в глубине ямы были вполне тёплыми: похоже, тёмно-коричневый песок кромки озера солнце нагревало очень даже прилично. А странный тёмный цвет они имели из-за того, что явно образовались из окружавших озеро скал.

В первый день, остаток которого Конан провёл на одеяле, расстеленном в кустах, он просто отсыпался. Когда лучи заходящего солнца стали бить ему в глаза, он повесил на ближайший куст свой плащ: заворачиваться в шерстяное огромное полотнище необходимости не было, поскольку в ложине с озером оказалось вполне тепло: словно в некоем природном парнике. К счастью, здесь почти не водились и комары: очевидно, им нечем было тут поживиться. Здесь

даже ветер не свирепствовал, как обычно бывало в продуваемых насквозь горных лощинах. Да и правильно: горы закрывали Баскунчук с трёх сторон.

Проснулся киммериец уже в сумерках. Подумал, стоит ли в третий раз раскапывать яйцо. Но решил этого не делать: Нэйла в любом случае не стала бы так поступать, поскольку, как и все другие, пусть и не столь крупные, самки морских черепах, никогда бы больше к малышу не вернулась, даже если б осталась жива. И единственное, за чем должен теперь последить Конан – так это за тем, чтоб никто из мелких хищников или обитателей побережья не откопал его подопечного.

Чтоб съесть.

Эта мысль навела Конана на ощущение пустоты в желудке.

Вот ужином варвар и занялся, даже не разводя костра – не хотел создавать во тьме ориентиров кому бы то ни было. Так что порция сухарей, ломтиков вяленного мяса и сухофруктов, снова запитая водой прямо из озера, вскоре навела на его желудок и прочие части тела миротворящее тепло и сонливость. А что: можно смело спать дальше!

Спал Конан прекрасно и ночью.

Никто и ничто его сон не тревожило: похоже, кто бы тут ни обитал, поохотиться на крупного и вооружённого стальными зубьями зверя желающих не нашлось. Собственно, варвар удивился бы, если б как раз нашлось: он, пока шёл по кромке берега, внимательно изучал следы, имевшиеся как на песке, так и на участках глинистого побережья. И никого крупнее и опасней лис и кроликов не обнаружил. Разве что змей и мышей. Ну, эти, как известно, живут буквально везде...

Утром Конан первым делом осмотрел полосу песка вокруг своего природного инкубатора. Всё в порядке – ни единого следа кого-нибудь любопытного. Вот и хорошо.

Позавтракав, варвар отправился в гущу кустов. Выбрав подходящий сук на карликовой берёзе, срубил его в три удара меча. Принёс в свой «лагерь». И принялся обстругивать сук до нужной формы и размера. Через час импровизированное древко было готово. Варвар достал тетиву, бережно хранимую в самом потаённом и глубоком кармашке сумы, и приладил её. Так, теперь – стрелы.

На обстругивание тонких веток уже ивы ушло тоже около часа. После этого оставалось лишь приладить к ним хранящиеся в другом кармашке необъятной сумы наконечники. Без оперенья стрелы вполне могли обойтись – варвар привык стрелять и такими.

Опробовал точность боя и силу нового оружия Конан на трухлявом пне, имевшемся в пяти шагах в чаще кустарника. Нормально.

Однако чтоб добыть себе на обед кролика, пришлось как следует полазать по чаще, окружавшей кромку озера. Не то, чтоб она была широкой или непроходимой – как раз наоборот! – а просто потому, что кролики не очень спешили подставляться под его оружие. Но любое терпение рано или поздно бывает вознаграждено: через два часа Конан уже свеживал пятифунтовую тушку, одновременно подкладывая дров из сушняка в небольшой костерок...

Кролик на вкус оказался вполне себе ничего – особенно после того, как Конан посолил шашлык, поджариваемый на тонких прутиках, солью из имевшегося у него как раз для таких случаев, мешочка. К сожалению, на ужин пришлось снова есть свои запасы – потратить ещё два часа на нового кролика варвар посчитал бессмысленным. Да и от яйца отходить уж слишком надолго Конан не хотел: мало ли!..

На вторую ночь Конан обнаружил, что его вторжение на чужую территорию хоть и вызвало определённое беспокойство у местного «населения», однако особенно сильно волноваться по этому поводу эти обитатели побережья не собираются: к остаткам закопанных потрохов кролика ночью пытался подобраться какой-то лис. Но непрошенный гость мгновенно убежал, когда варвар зло шикнул на него. Такое поведение сказало варвару о двух вещах: человека эти обитатели не видели никогда, а традиций раскапывать пляж в поисках чьих-либо яиц у

местных хищников нет. Вероятно, с яйцами черепах они не сталкивались. Чего не скажешь о кроликах, и остатках их тушек.

Утром солнышко светило ничуть не слабее, чем в предыдущие дни, и киммериец решил обойти расставленные накануне вечером силки, пока кто-нибудь более шустрый не сделал этого за него. В двух из семи расставленных ловушек попались кролики, ещё в один – весьма крупная мышь, напоминавшая размером, скорее, крысу.

Крысу Конан отпустил, кроликов забрал в лагерь, снова насторожив силки.

Этот день тоже прошёл спокойно. Правда, за дровами Конану пришлось уже сходить подальше – поскольку растительность вокруг озера не отличалась густотой и солидностью, толстых сучьев и веток почти не было, а всё больше высохшие стебли колючей ежевики, да разных других кустов.

На третий день Конан начал сильно скучать. Правда, его утешала мысль о том, что Нэйла обещала, что Улюкен вылупится всего за пять дней...

К полудню шестого дня знаменательное событие наконец произошло.

Конан, сидевший на песочке пляжа в трёх шагах от своего инкубатора, ковыряя палочкой в зубах, заметил, как шевелятся песчинки. Затем кто-то начал тоненько пищать – из-под песка! Конан не придумал ничего лучше, как мягким голосом предложить:

– Давай-давай, Улюкен! Ты должен сам откопаться!

Песчинки стали шевелиться сильнее. И вот уже через каких-то пять минут маленькая, трогательно похожая на материнскую, мордочка, появилась наконец над поверхностью! Малыш некоторое время как бы отдыхал, моргая, чтоб стряхнуть налипший песок с глазниц, и осмотреться. Конан помахал ему рукой:

– Привет, Улюкен! Как дела?

Черепашенок ничего не ответил. Да Конан, если честно, и очень удивился бы, если б тот ответил!

Конан подошёл к кромке воды, слегка похлопал ладонью по её поверхности:

– Давай сюда! Вот она – вода!

Когда малыш выбрался из норы, и смешно перебирая лапами, направился к кромке озера, варвар хитро ухмыльнулся в отросшие усики: а шустрый малец оказался! Когда черепашонок проползал мимо огромных сапог Конана, ему показалось, что тот весьма хитро посмотрел на человека. Однако варвар заставил себя усмехнуться: мало ли чего не привидится после двух недель одиночества! Из которых пять дней к тому же вообще ничего не делал!

Через минуту лишь след от крохотных конечностей да успокаивающиеся круги на воде говорили о том, что только что сюда нырнуло тельце размером с небольшую утку-мандаринку. Только не столь красочно-яркое, а зеленовато-серое.

Ну вот он и свободен от данных обязательств! Можно смело двигаться дальше – а то ему пришлось довольно сильно отклониться от маршрута.

Конан порылся в суме, и в который раз достал оттуда футляр с картой местности, приобретённую, за немалые, кстати, деньги, у знаменитого коллекционера всяких раритетов и экзотических сувениров, почётного архивариуса короля Вездигдета, удалившегося на покой, и живущего сейчас отшельником в своём загородном имении, мудреца Макрона. Сама история заполучения этого манускрипта могла бы запросто стать темой для приключенческого рассказа, но Конан никогда свои похождения записать, или хотя бы – пересказать кому бы то ни было не стремился – разве что прекрасным женщинам и девушкам, скрашивавшим его досуг в моменты отдыха... Ведь он ещё – не древний и дряхлый старик! Он и сам в состоянии вершить историю!

А не описывать её, чем балуется на старости лет тот же Макрон.

Затем Конан достал куда хуже сохранившийся, потёртый и прорвавшийся кое-где на сгибах пергамент – самодельную и явно неточную карту, которую дал ему Крамер. Теперь нужно снова сравнить их. И прикинуть, где это он сейчас, и куда нужно идти, поскольку с тщательно намеченного маршрута он однозначно сбился.

Так. Вот этот отрог – несомненно тот, что сейчас окаймляет Баскунчук с запада. А ему нужно вон туда – гораздо западней. Именно там, как указано в полувыгоревших линиях обветшавшего старого пергамента, находится заброшенный Храм Червебога – Аттаху.

Почему народы урочища Карадаг, расположенного на плато Юрсак, поклонялись не змеям, и не даже ящерицам, как многие их соседи, а червякам, Конан, если честно, не знал. Да и не особо стремился. Он знал главное: не помог сей странный Бог своим подопечным ни в битве с последователями чёрного Сэта, ни в последующем бегстве со своих исконных земель, ни на новом месте жительства...

Всех почитателей червя-Аттаху истребили ещё триста лет назад.

Конан прищурился, внимательней вглядываясь в пожелтевший ветхий пергамент Крамера: ну а это, если только абстрагироваться от дыры в манускрипте – озеро Бирсакельмес. Всё верно: на манускрипте Макрона оно видно куда лучше, и место расположения почти совпадает. Само озеро не сильно отличается от Баскунчука, но! Не имеет стока в океан. И расположено всего в четырёх днях пути от последнего. Однако оно вполне ему по пути – если больше нигде будет запастись пресной водой, можно пополнить её запасы и там. Правда, варвар был уверен: уж чего-чего, а ключей и ручейков с отличной чистой водой, в гористой местности всегда предостаточно.

Так что можно паковать вещички – и в путь!

Но что-то всё равно не давало ему двинуться прочь. Какое-то смутное чувство. Подозрение. Предчувствие.

Он вздохнул.

Ну вот никогда его не подводят его обострённые варварские инстинкты!

Чует его задница, что не все ходы в игре с врагами Нэйлы сделаны! И те что-то готовят. Подвох.

Ладно. Он останется здесь, на берегу, ещё на пару дней.

Вот только есть придётся всё больше ягоды и коренья – а то пресная, и словно безвольная крольчатина уже стоит ему поперёк горла!..

Опасения самого чувствительного в плане предсказания неприятностей органа тела Конана подтвердились к вечеру второго дня.

И не зря он отслеживал особенно внимательно вытекающее из озера русло реки, даже перенеся туда свой импровизированный лагерь. Впрочем, выход из долины озера ему нужен был так и так именно этот – через реку Ворхул.

Собственно, отследить проблему, возникшую незадолго до ужина, было нетрудно: по руслу реки против течения медленно, но упорно двигались как бы остовы перевёрнутых лодок. Или блестящие в свете предзакатного солнца обтекаемые полусферы. Или серо-зелёные гигантские бочки, возвышающиеся над поверхностью на полфута. Что не помешало Конану легко опознать их: крабы!

Пусть не столь матёрые и «породистые», совсем уж гигантские, что тащили на своих спинах Наместника в его раковине, но и отнюдь не лилипуты: в диаметре хитинистые круглые тела достигали футов пяти! Конан подошёл поближе к руслу: теперь ему скрываться в близлежащих кустах смысла не было: охотились-то явно – не за ним!

Однако вполне слаженно двигавшийся коллектив, словно отряд дисциплинированных профессионалов, упорно стремился вперёд по руслу, попросту игнорируя присутствие чело-

века. Стало понятно, что, во-первых, крабы планируют обыскать озеро, а во-вторых – вряд ли этот отряд – единственный!

Допустить, чтоб твари проследовали, как ни в чём ни бывало, мимо него, и занялись черепашонком, варвар никак не мог. Поэтому в туловище передового монстра полетел очень даже приличных размеров булыжник.

Краба огорошило весьма ощутимо: он даже нырнул полностью в воду, появившись снова из мелкого потока в трёх шагах вниз по течению от места получения удара.

После этого проблем у Конана не было: внимание он привлёк к себе однозначно. Но на всякий случай он поспешил ещё ближе подойти к берегу, словно предлагаясь: вот он – я! Подходите, сволочи!

Весь отряд, явно подчиняясь каким-то неслышимым приказам своего «ушибленного» вожака, и насчитывавший не менее пятнадцати серьёзно настроенных и явно полных сил тварей, изменил направление движения, и двинулся на берег – к его ногам. Конан, убедившись, что дальше по руслу к озеру не пробирается никто, и издалека, на подмогу, никто больше пока не спешит, чуть отступил – туда, где грунт казался потвёрже.

Оказавшийся впереди отряда краб с блёклой отметиной на панцире от попадания камня, долго буравил киммерийца злобным взглядом своих не то четырёх, не то – восьми бусинок на ножках: органы зрения членистоногого казались Конану гротескно нелепыми. Наконец, вероятно, устав от игры в гляделки, передние клешни твари пришли в движение, как и ротовое отверстие:

– Че...ло...век. Отдай... нам... сына отступницы. И останешься... жив.

Было заметно, что слова зингарского языка даются членистоногому с трудом, но тот явно старался выговаривать их чётко, и громко – чтоб не возникало двусмысленностей. Конан постарался ответить так же чётко и разборчиво:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.